

ЗРЕНИЕ И ЗАПАХ В ИДЕЙНОМ КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ — О ЧЕМ «ГОВОРИТ» НОС РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА?

О.Д. Шемякина, М.М. Варакин

Аннотация. Целью авторов статьи является изучение закономерностей эмоционально-чувственного восприятия социокультурным субъектом иной культурной реальности, качественно отличной от его собственной культуры. Выделяются аудиальная, визуальная, тактильная и ольфакторная составляющие восприятия и последствия визуальной революции XVIII в. В центре внимания авторов — ольфакторная составляющая межкультурного взаимодействия на личностном уровне и особенности оптики эпохи Просвещения. Данный фактор рассматривается на конкретном примере анализа писем Д.И. Фонвизина, его восприятия европейского культурного пространства.

Ключевые слова: визуальная революция, культура, путешествие, Просвещение, ольфакторная составляющая восприятия, Д.И. Фонвизин.

Для цитирования: Шемякина О.Д., Варакин М.М. Зрение и запах в идейном контексте эпохи Просвещения — о чем «говорит» нос русского путешественника? // Преподаватель XXI век. 2022. № 4. Часть 2. С. 286–301. DOI: 10.31862/2073-9613-2023-1-286-301

SIGHT AND SMELL IN THE IDEOLOGICAL CONTEXT OF THE ENLIGHTENMENT — WHAT DOES THE NOSE OF A RUSSIAN TRAVELER “SAY” ABOUT?

286

O.D. Shemyakina, M.M. Varakin

Abstract. The article aims to study the regularities of emotional and sensory perception by social and cultural subjects of another qualitatively different cultural reality. The authors distinguish the auditory, visual, tactile and olfactory components of perception and the consequences of the visual revolution of the 18th century. The focus of the authors is the olfactory component of intercultural interaction at the personal level and the features of Enlightenment era optics. This factor is considered on the concrete example of the analysis of D.I. Fonvizin's letters, his perception of the European cultural space.

Keywords: visual revolution, culture, travelling, Enlightenment, olfactory component of perception, D.I. Fonvizin.

© Шемякина О.Д., Варакин М.М., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Cite as: Shemyakina O.D., Varakin M.M. Sight and Smell in the Ideological Context of the Enlightenment — What Does the Nose of a Russian Traveler “Say” About? *Prepodavatel XXI vek*. Russian Journal of Education, 2022, No. 4, part 2, pp. 286–301. DOI: 10.31862/2073-9613-2023-1-286-301

Отправной точкой современного самосознания является поиск прозрачности [1, с. 13]. Истина, зрение и знание, взаимосвязанные во всех индоевропейских языках, в модерн-эпоху (в эпоху света или Просвещения) обрели особый культурный статус и стали основой визуальной революции XVIII в. [там же, с. 11–13]. В традиционалистски-ориентированных культурах в отличие от обществ модерн-эпохи, где господствовала холодная визуальная отстранённость, возникшая с появлением печатной культуры и изобретением прямой перспективы, присутствовали эмпатия и участие всех чувств [2, с. 155], утверждавшие ценность того мира, в котором жил человек. Аудиальное, тактильное, визуальное и ольфакторное были взаимодействующими чувствами. Слово, превратившееся в набор типографских знаков, читаемых глазами, в традиционной культуре, как и ритуал, разворачивалось в публичном пространстве. Это была публичность особого рода — локальная и пронизанная сетью взаимного доверия, и даже письменный текст предназначался прежде всего для исполнения, а не для чтения.

М. Мак-Люэн в этой связи пишет, что предельно ясно эти взгляды выражены у Ф. Аквинского, который писал, что Сократ и Христос были учителями, не желавшими излагать свое учение на письме. В вопросе 42 третьей части «Суммы теологии» Ф. Аквинский говорит: «Отвечаю, что Христос по необходимости не доверил своего учения письму, во-первых, чтобы не уронить своего достоинства. Ибо чем превосходнее учитель, тем превосходнее его манера учительства.

А следовательно, Христос как превосходнейший из учителей необходимо должен был приспособить свою манеру учительства так, чтобы его учение запечатлелось в сердцах его слушателей (Мф., 7, 29)» [там же, с. 147]. Письменный текст был ориентирован на прямой эмоциональный контакт с человеком слушающим. Разорванные предложения и бесконечные аллитерации в «рифмованных проповедях» Августина — необходимые нормы устной прозы и поэзии [там же, с. 155]. «Показателем воздействия печатной культуры в любое время и в любой стране является процесс исчезновения из литературы игры слов, восклицаний, аллитерации и афористичности» [там же, с. 155].

«В средние века, как и в античности, читали не так, как сегодня (т. е. в основном глазами), а губами, произнося видимые глазом буквы, и ушами прислушиваясь к произносимым словам, т. е. к тому, что называется “голосами страниц”» [там же, с. 134]. Это позволяло вписать священный текст в тело и душу с помощью мышечной памяти слов произносимых и слуховой памяти слов слышимых.

В описании восприятия пищи духовной «слова заимствуются из области еды, пищеварения и даже пищеварения жвачных животных... например, для того, чтобы похвалить ревностно молящегося монаха, Петр Достопочтенный воскликнул: “Его рот неустанно пережевывал священные слова”» [там же, с. 135].

Если обратиться к ольфакторному фактору, то нужно отметить, что одной из важных функций запаха в традиционной культуре было отделение сакрального от профанного. Благоухающий земной рай,

оставленный человеком после грехопадения, маркировал пространство, в котором присутствовала полнота бытия и отсутствовало сиротство мира. Поэтому и щели в каменных плитах пола в православных храмах заполняли воском [3], наполняя пространство запахом цветущего бытия. Но важно то, что сиротство мира, его греховность не носили стигматов отринутости, они также присутствовали в творении, как и рай. Не менее важна была в коммуникации услышанность, которая подкрепляла не только конкретно ориентированное доверие в локальном сообществе, но и услышанность «Великим Другим» в авраамических религиях. Так, например, в беспоповских общинах старообрядцев южной Вятки чёткость дикции является наряду с нравственными качествами и грамотностью критерием выбора духовного отца. Слово «Великим Другим» должно было быть услышано, и это было пространство молитвенного общения, а не публичная сфера свободных дискуссий, поддержанных издательской деятельностью.

Визуальная доминанта XVIII века сформировала особую дисциплину зрения, основанную на бесстрастии, которая являлась разновидностью добродетели. Добродетель эту проявлял светский, просвещённый, правильно воспитанный человек, и поэтому добродетель выступала как параметр самоидентификации, маркер принадлежности к определенной социальной группе [4, с. 367]. В социальном мышлении эпохи Просвещения присутствовала проекция отношения к природе как к порабощенной.

Все дикое и некультурное воспринималось должным образом воспитанным и потому добродетельным человеком как то, что нужно цивилизовать. Просвещенческий миф, по мнению М. Хоркхаймера и Т. Адорно, таил в себе опасность

тоталитаризма, потому что все особенное и маргинальное вызывало в нем идиосинкразию и дурно пахло. Бесстрастность, дистанцированность, дисциплинированность эмоций и нос, улавливающий границу нормы — вот изменения, которые приносит новая эпоха в поисках прозрачности и выстраивания оппозиций центра и периферии. «Естественным считается всеобщее, то, что соответствует контексту преследуемых обществом целей. Но природа, не пропущенная через каналы понятийного порядка и потому не облагоустроенная в нечто целесообразное — пронзительное скрежетание грифеля об аспидную доску, пронизывающее до мозга костей, *haut gout*, напоминающий о нечистотах и гниении, пот, виднеющийся на лбу старательного — все не вполне идет в ногу со временем или нарушает запреты, образующие собой отложения прогресса столетий, производит пронзительно-отталкивающее впечатление и вызывает неизбежное отвращение» [5, с. 223–224]. Далее авторы констатируют: «В многообразных вариациях пристрастия к запахам продолжает жить тоска по низменному, по непосредственному единению с окружающей природой, землей и грязью <...> Для цивилизованного человека приверженность подобного рода страсти позволительна только тогда, когда запрет на нее временно приостанавливается благодаря рациональной аргументации в пользу действительных или мнимых практических целей» [там же, с. 228].

Феномен идиосинкразии в том виде, как он был продемонстрирован европейской культурой, являлся следствием визуальной революции, способствующей появлению новых интеллектуальных форм, появляется пространство внешнего наблюдателя [6, с. 162–216]. Изобретение прямой перспективы предполагало внешнее наблюдение с фиксированной точки

зрения, такого рода мышление в пространстве несло в себе императив навязчивой рубрикации и стратификации, который Н.Е. Копосов вслед за А. Маслоу называл когнитивной патологией [там же, с. 162], порождающей иерархический эффект списка [7]. Если в основу классификации были положены актуальные для Просвещения традиции античной классики, в которых разум являлся критерием подлинной человеческой сущности, то неизбежно выделялась особая категория полулюдей-полуживотных, еще не выделившихся из природного целого, которые дурно пахли и были неразумны [8]. Контакт с объектом, разложившимся или испорченным в физическом и психологическом смысле побуждает человека отстраниться от объекта, вызывающего отвращение, или устранить сам объект [9, с. 296].

Представление о культурной антисанитарии являлось интеллектуальным продуктом и поддерживалось особенностями функционирования физиологии высшей нервной деятельности. Негативные запахи (продуктов горения, пота, человеческих выделений, протухших продуктов и т. д.) способствовали повышению раздражительности, эмоциональному напряжению и росту внутренней агрессии [10, с. 10; 11]. Проблема не в том, что реальный уровень антисанитарии не только в сельской местности, но и в городах вплоть до второй половины XX века был высок, проблема заключалась в том, как к этому относиться, — концептуализация запаха нечистот оформляла культурную сегрегацию.

Линейно-ориентированное мышление, сформированное доминантой прямой перспективы и оптикой механистической парадигмы, плохо справлялось с лонгитудными и искривленными поверхностями, перефразируя короля Лира, в лепешку

сплющивая выпуклость Вселенной. Одним из парадоксов эпохи Просвещения заключался в том, что этот дискурс наиболее соприроден ситуации статики — кабинетного взирания на мир, способствующего работе с чистыми формами, а не ситуации движения. Движения особого рода — не просто перемещения в пространстве, а погружения в повседневность, в которой всегда царит случайное и избыточное, живость самой жизни [12, с. 163–179]. И погружалось в эту живость самой жизни образованное дворянство в путешествии, осваивая культурное пространство Европы. «Путешествие как мировое явление содержит в себе не только огромный свод опыта, но и неукротимые амбиции, будто заявляя с порога: “Я само себя открыло, я и без вас открытие”. Его исследование обладает свойством калейдоскопа: всякое новое наблюдение не только открывает затененную прежде грань, но и смещает точку отсчета, рассыпает и заново собирает общую композицию. Смена точек происходит с каждым очередным известием, со сменой настроения и не формирует массива данных в универсальную формулу, а порождает эффект снежного кома с растущей скоростью вращения. В какой-то момент обнаруживается, что главное в этом феномене — не идеальный алгоритм, а состояние движения в многообразии его проявлений» [13, с. 69].

Если путешественник обладал умом, но в сочетании с эмоциональной ригидностью, склонностью к повышенной раздражительности, то запахи зловония (и фантомные, и реальные или просто непривычные [10, с. 10] пропитывали культурное пространство, где родились идеи Просвещения, и тогда оно могло представлять собой, по Ю. Хабермасу, незавершенный модерн-проект, а покинутое родное пространство обрести новый статус.

Идейный контекст Просвещения переполнен противоречиями и парадоксами. Первым шагом к истине, исключаящей воображаемые мифические конструкции [5, с. 16–17], является сомнение и скептицизм, обеспечивающие познавательную деятельность разума [11, с. 83]. При этом среди инструментария, который расположен на аллеях «ищущего разума», Д. Дидро выделяет оптические приспособления, а осязание лишь помогало обрести точное знание о соответствии между предметом и получаемым от него представлением [14, с. 283].

Казалось бы, путешествие очень даже полезно для такого опыта. Но нужно учитывать, что в оптике Просвещения властвует линия, а смещение точек зрения, о которых писал А. Головнев, в опыте человека путешествующего могло стать источником дезориентации, а не обретения нового опытного знания. Да и воображаемые мифические конструкции были не преодолены. Это относилось и к политическим мифам о власти, которые никуда не делись в эпоху Просвещения с его установками движения к истине. Миф о власти М.М. Бахтин называл «миром эпопеи». Эту идею считал чрезвычайно важной Р.С. Уортман, подчеркивая то, что мир эпопеи дарует настоящему «эпическую дистанцию, канонизирует современные события и лица, включая их в мифическое прошлое, этот мир “абсолютно завершен”» [15, с. 23]. «Люди, принадлежавшие к культуре монархии, жили в эпическом монологическом мире, где непререкаемая истина — превосходство монарха» [там же, с. 23].

Да и в самой ментальной карте, которая являлась руководством для путешествующего, были проставлены неподвижные точки непререкаемых авторитетов, своего рода Мекки, — столицы европейских государств. Базовые эмоции и

сопровождаящие их запахи, которые испытывал путешественник, являются для исследователя индикатором всех этих противоречий, «маячками» состояния от дезориентации, притягия или неприятия чужой культуры, до готовности выстраивания новых смыслов.

Как уже отмечалось, просвещенческий дискурс, его философия и идеи явились глобальным общеевропейским интеллектуально-моральным процессом, направленным на рационализацию и формирование понятной человеку картины мира [5, с. 16–17]. Просвещение в своей основе сформировалось как тотальная трансграничная идейная модель, которая, как отмечает В. Фрейхоф, выступила в противопоставлении прежним национальным и конфессиональным барьерам века XVII как «новая свобода и эмансипация личности, которая исследует мир вокруг себя, открывает в нём пространство без границ и сама становится объектом других культур» [16, с. 33]. Этот идейный нарратив общеевропейского универсализма во многом обусловил повышение социальной мобильности среди населения Европы, способствовал популяризации практики путешествий. В этой картине мира, провозглашающей венцом мироздания образ, прежде всего, «человека чувствующего», воспринимающего мир органами чувств, совершенно особое место отводилось запаху и ольфакторному фактору психофизиологического восприятия как таковому [17, с. 16–18].

Запах стал играть чрезвычайно значимую роль индикатора отношения, понимания и восприятия окружающего мира. Рассмотрение ольфакторного фактора в настоящем тексте на материале сочинений русского литератора-путешественника, такого как Д.И. Фонвизин, даёт возможность реконструировать семантику и роль запаха в общем дискурсе

Просвещения, увидеть механизмы миропонимания и мироощущения просвещенного европейского интеллектуала века XVIII. Выбор был сделан в пользу писем Д.И. Фонвизина, потому что эти тексты представляются нам наиболее симптоматичными и репрезентативными в парадигме обозначенных противоречий, проблем и черт рассматриваемого дискурса.

Исследователи К. Классен, Д. Хоувз, Э. Синнотт в совместной статье «Значение и власть запаха», говоря о влиянии запаха на человека, пишут: «Запах — великая сила. Обонятельные ощущения воздействуют на нас на физическом, психологическом и социальном уровнях. Однако в большинстве случаев мы вдыхаем окружающие ароматы, не осознавая в полной мере их значения в нашей жизни. И лишь когда по каким-то причинам у нас что-то не в порядке с обонянием, мы начинаем понимать, сколь важно восприятие запахов для психологического комфорта» [18, с. 43]. Действительно, обоняние человека реагирует лишь на экстраординарные раздражители, при этом в стандартной и привычной ситуации находясь в покое. Формируется восприятие запаха не просто как непосредственного обонятельного ощущения, но и из воспоминаний и эмоций, связанных с этим запахом, то есть личного жизненного опыта [там же, с. 45]. В сущности, запах на ассоциативном уровне связывается с личными эмоционально-психологическими переживаниями людей, становясь не просто элементом восприятия, а его индикатором и прямой проекцией.

Запах представляется средоточием эмоций и чувств человека, которые транслируются в принятие или отторжение от того или иного обонятельного импульса. Это эмоционально-чувственное отражение запаха было продиктовано мироощущением человека, который в собственной

парадигме восприятия «принимал и наслаждался приятными ароматами» и «отторгал смердящую вонь» [19, с. 23–25]. Вопрос представления о запахе был связан, прежде всего, с чувством, которое он вызывал у человека. Так, мы можем с уверенностью говорить о том, что «аромат и благоухание» отражали позитивные эмоции человека, одобрение той цивилизационной, культурной и социальной обстановки, в которую попадал человек [20, с. 20–22]. «Скверный запах», напротив, символизирует отторжение прежде всего не физическое, а культурное и социальное [там же, с. 25–26]. Неприятные запахи помогают человеку провести понятную вербализацию отношения к тому или иному социуму, месту или конкретному человеку, при этом в действительности запах может и не носить резкий отрицательный характер и тем более не достигать наивысшей степени — «вони» [18, с. 44].

Представление о степени силы и коннотации запаха формируется самим человеком, он конструирует собственное обонятельное восприятие в соответствии со своим мировоззрением, опытом и взглядами [19, с. 25–27]. Однако далеко не все ольфакторные конструкции в памяти способны быть осознаны и рационализированы человеком в парадигме его непосредственного восприятия. С точки зрения психологии, как отмечает Т.Н. Березина, запах способен возникнуть в сознании наблюдателя в результате бессознательного «психического заражения» рядом базовых эмоций, с которыми плотно связаны основные ароматы, имеющие положительную и отрицательную коннотацию [11, с. 22–23]. Р. Мюшембле в монографии «Цивилизация запахов. XVI — начало XIX века», говоря о природе запаха и связи его с эмоциональными ассоциациями, отмечает: «...запах — это

ворота, через которые входят и запоминаются эмоции. Вероятно, обоняние — единственное чувство, которое основано не на врожденном, а на приобретенном, на опыте. Двойственные сигналы, посылаемые обонянием, могут вызывать как удовольствие, так и страх или отвращение» [19, с. 6].

Безусловно, XVIII и XIX века стали временем «ревалвации чувств», импульс к которому дала именно эпоха Просвещения, которая, несмотря на противостояние «иррациональности чувств» и попытку их изолировать всякий раз, когда не была способна использовать исключительно разум, обращалась к «культу чувств» в качестве собственного дополнения [5, с. 116]. Этот «культ чувств» и эмоций наравне с рационализмом Просвещения захватил все умы читающей Европы, в том числе он был воспринят и русскими интеллектуалами. Запах же как индикатор чувственно-эмоционального восприятия также ярко вошёл в тексты русских литераторов и публицистов. Следует отметить, что ещё в традиционной русской и славянской культуре восприятие и представление о запахах было особенно сильным и максимально контрастным, имея в основном две противоположные коннотации — положительную («благоухание») и отрицательную («вонь») [3, с. 50–51]. Это обостренное восприятие русскими запахов, в особенности «дурных», было лишь усилено с приходом в русское общество философии Просвещения, обострившей чувства и окончательно превратившей запах в «зеркало созерцания мира» [там же, с. 52–53]. Г.И. Кабакова в статье «Запахи в русской традиционной культуре», говоря о традиции восприятия запахов в дискурсе традиционной русской культуры, пишет: «...с выделением небольшого числа значимых запахов, с резким их разделением

на хорошие и дурные, связанным в основном с понятиями греха и чистоты, безусловно, возникла под влиянием христианской традиции. Вместе с тем она вписывается в архаическую систему ценностей, основанную на мифологических категориях «свой — чужой», «жизнь — смерть», «верх — низ»...» [там же, с. 60–61]. С размыванием европейских границ и началом времени трансевропейских путешествий, привнесением в русское миропонимание общеевропейской философии Просвещения категории, ценности и призмы восприятия русского человека во многом испытали проверку на прочность. Это особенно ярко репрезентируется в путевых заметках, письмах и литературных сочинениях, созданных русскими интеллектуалами второй половины XVIII в.

Это давление и размывание привычных границ вылилось в сознательное и стихийное отторжение русскими путешественниками-интеллектуалами широкого круга чуждых им парадигм европейской жизни, соотнесение и сравнение их с мнимой идеалистической сущностью мира Просвещения и личным опытом. Это столкновение в некотором роде полярных представлений русских литераторов-вожеров и европейской социально-политической, культурной и бытовой реальности конвертировалось в яркий спектр зрительно-визуальных образных конструкций и ольфакторных характеристик на страницах их сочинений. Такая призма видения ярко отражена у Д.И. Фонвизина во время его вояжа по Польше, которую русский литератор явно не представляет идеалом устройства государства и близкой культурно-социальной средой. Эта страна предстает перед писателем образом, состоящим из «небольших городков», подобных «Минску, малым лучше нашей Вязьмы», «набитых жидами и попами»,

а пространства между ними полными «дремучих лесов» [21, с. 412–414]. На момент начала путешествия Д.И. Фонвизина, то есть 1777 г., Польша находилась в политическом и социальном кризисе, во многом обусловленным разделом 1772 г., ослабившим политико-дипломатическое положение Речи Посполитой и спровоцировавшим внутривосточный кризис между королём и шляхтой, последствия которого и наблюдает Д.И. Фонвизин. В Варшаве же, «которая с Москвою невероятно сходство имеет», Д.И. Фонвизин встречается с польским королём Станиславом Понятовским, которого находит «замечательным монархом» [там же, с. 415–416]. Однако в этом же письме из Варшавы от 18/19 сентября 1777 г. мы можем видеть, что Д.И. Фонвизину сразу же бросаются в глаза пороки и недостатки европейского общества, которые он не приемлет и описывает следующим образом: «Женщины одеваются, как кто хочет, но по большей части странно. В ассамблеи ездят иногда в шляпках, иногда в турецких чалмах; а если одета в волосах, то на голове башни. Развращение в жизни дошло до крайности. Часто в компании найдешь мужа с двумя женами: с тою, с которою живет, и с тою, с которою развелся. Развестись с женою или сбросить башмак с ноги — здесь все равно. Дуэли здесь всечасные» [там же, с. 416]. Так, сложившиеся в Польше нравы, быт и культура у Д.И. Фонвизина вызывают неприятие, что во многом и задавало тон всему путешествию, создав негативный эмоциональный фон повествования [22, с. 129].

Биограф писателя и литературовед М.Ю. Люстров, говоря о негативном эмоциональном фоне восприятия Д.И. Фонвизина, пишет: «Длинная повесть его странствования» содержит многочисленные описания дурно пахнущих тракти-

ров, ночёвок и обедов в карете, отвратительной погоды, бесконечных дождей, головных болей, опасных для здоровья происшествий в дремучих лесах, скверных местечек, которые русский барин отказался бы взять и задаром, и недостойных упоминания городов и городишек» [там же, с. 128]. Столь сильное отторжение этой страны не могло не отразиться на визуальной составляющей его текста, которое испещрено отрывочными сведениями, резкими и негативными описаниями лишь главных городов, формируя у читателя образ дикого и чуждого русскому человеку края.

Сходный визуальный образ Д.И. Фонвизин в своих письмах отводит и Германии, почти не отраженной в письмах, читатель может узнать лишь те города, которые проехал литератор, это «весёлый» Дрезден, «скудный» Лейпциг, «в котором живут приученные педанты» [21, с. 417]. Видно, что Д.И. Фонвизину германские земли неинтересны, они не вызывают у него душевного отклика, кроме коротких характеристик, которые можно свести к «весёлости» или «скуčnosti» города. Фактически пространство суживается для Д.И. Фонвизина, он стремится как можно скорее добраться до цели своего маршрута — Франции, которая вновь пробудит в нём чувства [22, с. 130–132]. Эта зрительная нищета образов и описаний показывает как отсутствие у путешественника интереса к Восточной и Центральной Европе, так и общее представление европейского интеллектуала того времени как периферии по сравнению с «сердцем Европы» — Парижем.

В письме из Монпелье от 20 ноября 1777 г. Д.И. Фонвизин начинает повествование о въезде в столь желанную Францию: «Полмили от Мангейма въехали мы во Францию. Первый город Ландо, крепость знатная. При въезде в город

ошибла нас мерзкая вонь, так что мы не могли уже никак усомниться, что приехали во Францию. Словом, о чистоте не имеют здесь нигде ниже понятия, все изволят лить из окон на улицу, и кто не хочет задохнуться, тот, конечно, окна не открывает» [21, с. 418]. «Родина Просвещения» поражает автора «вонью», которая, как кажется русскому писателю, окутывает всё окружающее пространство, начиная от самой границы и до столицы страны. Д.И. Фонвизин видит перед собой «средневековые нечистые улицы», которые как у жителя северной столицы, привыкшего к регулярности и линейности, вызывают чрезвычайное отторжение [19, с. 32–33]. Д.И. Фонвизин не может интеллектуально принять столь чуждое ему пространство и быт, пронизанный средневековым устройством и противоположный тем идеям, которые высказывали такие философы-просветители, как Ж.-Ж. Руссо, пред которыми преклонялся и с коим желал встречи Д.И. Фонвизин [22, с. 141].

Однако тот же Д.И. Фонвизин отдаёт французам должное, говоря о том, «что дороги щегольские, мостовая, как скатерть», однако не забывает отметить «нечистоту» Бресса и Лиона [21, с. 418]. Д.И. Фонвизин отмечает достоинства окружающей природы Лиона и даже сравнивает его с Петербургом по его местоположению на двух реках, описывает «прекрасную» статую Людовика XIV в центре города, которая служит центром общественного притяжения, и отмечает большое количество произведений искусства, рассредоточенных по местным церквям [там же, с. 418–420]. Своё пребывание в Лионе и посещение лионского театра Д.И. Фонвизин заключает таким образом: «...ходили в театр, который, после парижского, во всей Франции лучший. Словом сказать, Лион стоит того,

чтоб его видеть» [там же, с. 420]. Эти эпизоды контрастного положительного восприятия на фоне предыдущих замечаний о «нечистоте» и отторжении писателя дают возможность в полной мере представить общее отсутствие адаптации дискурса Просвещения к разнонаправленному и многообразному пониманию мира. Это ярко иллюстрируется моментальным возвращением автора к сложившемуся негативному восприятию образа Франции: «Описав его добрую сторону, надобно сказать и о худой. Во-первых, надлежит зажать нос, въезжая в Лион, точно так же, как и во всякий французский город. Улицы так узки, что самая большая не годится в наши переулки, и содержатся скверно. В доказательство скажу тебе один пример, а по сему и прочее разумевай: шедши по самой лучшей улице в Лионе, увидел я вдруг посреди ее много людей и несколько блистающих факелов среди белого дня. Я думал, что это какое-нибудь знатное погребение, и подошел посмотреть поближе. Вообрази же, что я увидел? Господа французы изволят обжигать свинью! Подумай, какое нашли место, и попустила ли б наша полиция среди Миллионной улицы опаливать свинью! Словом сказать, господа вояжеры лгут бессовестно, описывая Францию земным раем. Спору нет, что много в ней доброго; но не знаю, не больше ли худого. По крайней мере, я с женою до сих пор той веры, что в Петербурге жить несравненно лучше. Мы не видали Парижа, это правда; посмотрим и его; но ежели и в нем так же ошибемся, как в провинциях французских, то в другой раз во Францию не поеду» [там же, с. 420].

Таким образом, Д.И. Фонвизин прямо говорит о своём разочаровании во Франции, видя в ней куда больше средневековых черт и неевропейского, с его пониманием быта, что ярко отмечено в описании

случая с «обжиганием свиньи», который в письмах повторяется дважды и является прямой репрезентацией архаики и иррационального. Это представление о «грязи, оскорбляющей человеческие чувства», и неприятие французского быта рождается у русского литератора ещё в первом французском крупном городе, Лионе, это свидетельствует о том, что у Д.И. Фонвизина была изначально скептическая позиция по отношению к Франции [22, с. 132–133]. Стоит отметить, что конфликт превосхищаемых образов и идеала представления о стране с реальным бытом и устройством этого социума был характерен для большинства европейских путешественников того времени, сформировавших идеалистические картины своего будущего маршрута [23, с. 362–364]. В этом отношении опыт русских литераторов находится в общеевропейском нарративе сочинений о путешествиях.

Париж перед Д.И. Фонвизиным предстает действительно «зловонной клоакой», вонь которого в полном смысле поражает, однако представление о Париже как о городе «смрада» не является уникальным и скорее представляется типичным для века XVIII. В частности, труды Ж.-Ж. Руссо породили традицию описания Парижа как огромного и грязного города, наполненного картинами человеческих пороков, именно эту картину и воспринимает Д.И. Фонвизин. А.Ф. Строев отмечает, что Д.И. Фонвизин совмещает традиционное представление литераторов Просвещения с собственным негативным представлением от путешествия по Французскому королевству, усилившимся под воздействием идей дворянского патриотизма, подкреплённого наличием у него дипломатического ранга, что выливается в чрезвычайно негативный образ Франции как страны и французского социума [24, с. 85–86].

Д.И. Фонвизин в письме от августа 1778 г. о Париже пишет: «...сам Париж немножко почище свиного хлева. Я вам наскучил уже описанием нечистоты града сего; но истинно, я так сердит на его жителей, что теперь рад их за то бранить от всего сердца. С крыльца сойдя, надобно тотчас нос зажать. Мудрено ли, что здесь делают столько благоуханных вод; да без них бы, я думаю, все задохлись. Правду ты пишешь, что нас в России обманывают без милосердия. <...> Спору нет, много есть очень хорошего; но, поверь же мне, истинно хорошего сии господа, конечно, и не примечали; оно ушло от их внимания. Можно вообще сказать, что хорошее здесь найдешь, поискавши, а худое само в глаза валит. Живучи здесь близ полугода, кажется, довольно познакомился с Парижем и узнал его столько, что в другой раз охотою, конечно, в него не поеду» [21, с. 450]. Такое представление о Париже и Франции в целом обусловлены фактически полным погружением русского писателя в тотальный нарратив Просвещения, который в нём столь силён, что даже позитивные черты Франции воспринимаются его взглядом лишь мельком. При этом происходит полная психологически-эмоциональная концентрация на эмоции отторжения и неприятия, которые у Д.И. Фонвизина фактически являются безусловными на протяжении всего путешествия и транслируются в парадигме ужасающего по своей неприятности ольфакторного спектра вони.

Также стоит отметить, что не менее важным лейтмотивом этого предварительно предвзятого отношения является рождение национального дискурса в зеркале универсалистской просвещенческой картины мира. Это выражалось, прежде всего, в ключе дворянского патриотизма, родившегося именно в образовательной практике XVIII века как «сочетание

любви к Европе и любви к Родине» [25, с. 33]. В этой парадигме воспитан и Д.И. Фонвизин, безусловно симпатизирующий собственному Отечеству, что проявляется в сравнении европейской реальности с образами России. Писатель не приемлет «средневекового невежества», ассоциирующегося у него с неприятным запахом и враждебным пространством, что, в свою очередь, привыкшему к жизни в регулярном Санкт-Петербурге человеку представляется чужеродным и дискомфортным. Д.И. Фонвизину не только как путешественнику, но и как литератору-публицисту присущи юмор и насмешка [22, с. 134–135], это конвертируется в абсолютные казусы, которые видны в его письме из Ахена. Д.И. Фонвизин говорит о полиции в своём письме из Ахена от 18 сентября 1778 г., которое является последней заметкой из Франции, желая полицмейстеру «лучшего обоняния, ибо на скотном дворе у нашего доброго помещика [то бишь у Скотинина] чистоты гораздо больше, чем перед самыми дворцами французских королей» [21, с. 468]. Эта юмористическая заметка писателя отражает всю сущность его отношения к Франции, её социально-политической, бытовой и государственной жизни, которая сравнивается с его собственными художественными произведениями. Через обоняние автор выказывает максимальное пренебрежение ко всему увиденному в этой стране, показывает своё отторжение от его государственного и бытового уклада. Однако же, как отмечает А.Ф. Строев, это письмо Д.И. Фонвизин отправляет уже из Германии, покинув пределы Франции из предосторожности [24, с. 87], тем самым не осмеливаясь на прямую критику государства, находясь в пределах его юрисдикции, обозначая этим пределы собственной свободы мысли.

В путешествии же по Италии (1784–1785 гг.) дурные и имеющие негативную коннотацию запахи продолжают преследовать Д. И. Фонвизина. Для русского вояжера его третье путешествие в жизни представляется «скучным и вынужденным», сопровождаемое плохим самочувствием и непрекращающейся ностальгией по Родине [22, с. 214–216]. В письме к родным из Флоренции от 5 октября 1784 г. русский путешественник пишет: «Верона город многолюдный и, как все итальянские города, не провонялый, но прокислый. Везде пахнет прокислою капустою. С непривычки я много мучился, удерживаясь от рвоты. Вонь происходит от гнилого винограда, который держат в погребах; а погреба у всякого дома на улице, и окна отворены» [21, с. 523]. А.Ф. Строев, комментируя настоящий фрагмент, отмечает, что «итальянцы не капусту на зиму заготавливают, а вино делают, но описывается чужой и невыносимый запах с помощью привычных русских реалий» [24, с. 88]. Подобное сравнение служит русскому литератору средством адаптации к чужеродному пространству, помогая наиболее правдиво отразить испытываемый спектр эмоций, которые рождаются в сознании путешественника при прохождении культурной границы чужого пространства. Однако для него оно не представляется столь безапелляционно враждебным, что происходит во Франции. Д.И. Фонвизин не может рационализировать смешение противоположных для литератора жизненных сфер — сельского поведения и деревенского быта, ароматов сельской местности в городе, представляющемся автору в парадигме просвещенческого стереотипа древнейшим центром античной, а следовательно, и европейской цивилизации.

В.Я. Берелович в статье «Европейское образовательное путешествие русских

аристократов» замечает, что Италия была одним из главнейших направлений и точек притяжения европейской аристократии, стремившейся через контакт с этой частью Европы и её культурой прикоснуться к цивилизации Античности и её наследию [26, с. 411]. Однако европейские аристократы и интеллектуалы в очередной раз не учитывали реального положения вещей, в рамках которого Италия конца XVIII века представляла собой аграрный раздробленный регион, стягивающий плоды своего античного и средневекового имперского наследия. Столь плачевное положение Италии легитимизирует и объясняет отторжение Д.И. Фонвизина от того упадка, который он наблюдает в «сердце бывшей империи Рима» середины 1780-х гг., переживающей непрекращающийся социально-политический кризис раздробленности и превратившейся в сельское «европейское захолустье», кое и лицезреет путешественник. Несоответствие интеллектуальной проекции и разочарование подвигает Д.И. Фонвизина к скорейшему желанию вернуться в Россию, в родное и знакомое пространство, о чём он и пишет в письме из Пизы от 11 ноября 1784 г.: «Ничего так не желаем, как поскорее все осмотреть и к вам возвратиться. Вояж нам надоел, а особливо мерзкие трактуры: везде сквозной ветер, стужа и нечистота несносная» [21, с. 527]. Таким образом, Д.И. Фонвизин в своих записках из итальянского вояжа демонстрирует, как обоняние является не просто средством выражения эмоций и мыслей (в данном случае отторжения и неприятия), но и средством интеллектуальной адаптации, рационализации и понимания, что делает ольфакторную сферу неотъемлемой частью дискурса Просвещения.

Итак, обратившись к опыту ольфакторного и зрительного восприятия европейского путешествия русским дворянином

и литератором Д.И. Фонвизин, мы столкнулись с противоречиями европейского Просвещения второй половины XVIII века. В этом трансграничном дискурсе тотального универсализма, рационализации и культы естественных природных форм мы видим полное несоответствие объективной реальности, которое и наблюдал интеллектуал того времени, сформировавшийся в оторванной среде книг и образов просвещенческих философов, и лицезреющий реальную Европу в своём вояже. Это непонимание, неприятие и, как следствие, отрицание увиденного абсолютно симптоматично отражалось на страницах писем Д.И. Фонвизина.

Языком же для выражения эмоций и взгляда стал запах, который благодаря разнообразности своей палитры и обширнейшей традиции дал возможность путешественнику изобразить на страницах своих сочинений буквально снимок сознания, видения и чувств. Запах связал воедино и универсалистский дискурс Просвещения, и зарождающиеся в его глубине зерна национального дискурса, имеющие пока что лишь образ дворянского патриотизма. Он помогал человеку пересекать и преодолевать политические и культурные границы, рационализировать пережитый опыт и изливать его на бумагу. Зрение же существовало в неразрывной связи с ольфакторным фактором, иногда подчиняя его и используя для предания объёма виденному. Путешественник подчиняет как зрение, так и обоняние собственному сознанию и восприятию, визуально сужая пространство и стирая существующие границы, чтобы провести новые собственные. Парадокс заключался в том, что неприятие чужой культуры способствовало более пристальному взгляду, обращенному к собственной культуре и её познанию, а следовательно, появлению новой оптики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Левитт, М.* Визуальная доминанта в России XVIII века / пер. с англ. А. Глебовской. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 528 с.
2. *Мак-Люэн, М.* Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры. К.: Ника-центр, 2004. 432 с.
3. *Кабакова, Г.И.* Запахи в русской традиционной культуре // Ароматы и запахи в культуре. Кн. 2. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 50–62.
4. *Маслов, Б.П.* Рождение и смерть Добродетели в России: о механизме пропаганды понятий в дискурсе Просвещения // Понятия о России. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 343–382.
5. *Хоркхаймер, М., Адорно, Т.В.* Диалектика Просвещения: философские фрагменты / пер. с нем. М. Кузнецова. М.: Медиум, 1997. 312 с.
6. *Копосов, Н.Е.* Как думают историки. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 326 с.
7. *Шемякина, О.Д.* Традиционная культура в полицентричном мире. Ст. 2. Традиционная культура в контексте вызовов модернизации. Российский опыт в сравнительно-исторической перспективе // *Общественные науки и современность*. 2018. № 6. С. 174–186.
8. *Шемякина, О.Д.* Эмоциональные преграды во взаимопонимании культурных общностей // *Общественные науки и современность*. 1994. № 4. С. 104–114.
9. *Изард, К.* Эмоции человека. М.: Изд-во МГУ, 1980. 439 с.
10. *Демина, И.С., Коноплева, И.Н.* Запахи как фактор, влияющий на скрытую агрессию // *Психология и право*. 2012. Т. 2. № 3. С. 1–11.
11. *Березина, Т.Н.* Эмоционально обонятельный язык бессознательных коммуникаций в процессе человеческого общения // *Национальный психологический журнал*. 2013. № 4 (12). С. 20–30.
12. *Малявин, В.* Средоточия. Избранные эссе, доклады, интервью, рецензии. Иваново: Роща Академии, 2011. 622 с.
13. *Головнёв, А.В., Белоруссова, С.Ю., Киссер, Т.С.* Очерки антропологии движения. СПб.: МАЭ РАН, 2020. 336 с.
14. *Лиманская, Л.Ю.* Оптические миры: эстетика зрения и язык искусства. М.: РГГУ, 2008. 351 с.
15. *Уортман, Р.С.* Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии: в 2 т. Т. 1. М.: ОГИ, 2004. 605 с.
16. *Фрейхоф, В.* Космополитизм // *Мир Просвещения. Исторический словарь*. М.: Памятники исторической мысли, 2003. С. 31–41.
17. *Рикуперати, Д.* Человек Просвещения // *Мир Просвещения. Исторический словарь*. М.: Памятники исторической мысли, 2003. С. 15–29.
18. *Классен, К., Хоувз, Д., Синнотт, Э.* Значение и власть запаха // *Ароматы и запахи в культуре*. Кн.1. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 43–52.
19. *Мюшембле, Р.* Цивилизация запахов: XVI — начало XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 312 с.
20. *Зиммель, Г.* Из «экскурса о социологии чувств» // *Ароматы и запахи в культуре*. Кн. 2. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 19–37.
21. *Фонвизин, Д.И.* Собрание сочинений в двух томах. М.; Л.: Художественная литература, 1959.
22. *Люстров, М.Ю.* Фонвизин. М.: Молодая гвардия, 2013. 338 с.

23. Рош, Д. Путешествия // Мир Просвещения. Исторический словарь. М.: Памятники исторической мысли, 2003. С. 359–369.
24. Строев, А.Ф. Чем пахнет чужая земля // Ароматы и запахи в культуре. Кн. 2. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 75–101.
25. Берелович, В.Я., Ржеуцкий, В.С., Федюкин, И.И. Европейское дворянство и эволюция идеала воспитания // Идеал воспитания дворянства в Европе: XVII–XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 5–41.
26. Берелович, В.Я. Европейские образовательные путешествия русских аристократов // Идеал воспитания дворянства в Европе: XVII–XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 410–445.

REFERENCES

1. Levitt, M. *Vizualnaya dominanta v Rossii XVIII veka* [The Visual Dominant in Eighteenth-Century Russia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2015, 528 p. (in Russ.)
2. McLuhan, M. *Galaktika Gutenberga: Stanovleniye cheloveka pechatnoy kultury* [The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man]. Kiev, Nika-centr, 2004, 432 p. (in Russ.)
3. Kabakova, G.I. Zapahi v russkoj tradicionnoj kulture [Odors in the Russian Traditional Culture]. In: *Aromaty i zapahi v kulture. Kn. 2* [Aromas and Smells in Culture, Book 1]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2010, pp. 50–62. (in Russ.)
4. Maslov, B.P. Rozhdenie i smert Dobrodeteli v Rossii: o mehanizme propagacii ponyatij v diskurse Prosveshcheniya [The Birth and Death of Virtue in Russia: On the Mechanism of Propagation of Concepts in the Discourse of the Enlightenment]. In: *Ponyatiya o Rossii. T. 1* [Concepts of Russia, vol. 1]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2012, pp. 343–382. (in Russ.)
5. Horkkhajmer, M., Adorno, T.V. *Dialektika Prosveshcheniya: filosofskie fragmenty* [Dialectic of Enlightenment: Philosophical Fragments]. Moscow, Medium, 1997, 312 p. (in Russ.)
6. Koposov, N.E. *Kak dumayut istoriki* [How Historians Think]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2001, 326 p. (in Russ.)
7. Shemyakina, O.D. Tradicinnaya kultura v policentrichnom mire. St. 2. Tradicinnaya kultura v kontekste vyzovov modernizacii. Rossijskij opyt v sravnitelno-istoricheskoy perspektive [Traditional Culture in a Polycentric World. Article 2. Traditional Culture in the Context of the Challenges of Modernization. Russian Experience in a Comparative Historical Perspective], *Obshchestvennye nauki i sovremennost* = Social Sciences and Modernity, 2018, No. 6, pp. 174–184. (in Russ.)
8. Shemyakina, O.D. Emocionalnye pregrady vo vzaimoponimanii kulturnyh obshchnostej [Emotional Barriers in Mutual Understanding of Cultural Communities], *Obshchestvennye nauki i sovremennost* = Social Sciences and Modernity, 1994, No. 4, pp. 104–115. (in Russ.)
9. Izard, C. *Emocii cheloveka* [Human emotions]. Moscow, Moskovskij gosudarstvennyj universitet, 1980, 439 p. (in Russ.)
10. Demina, I.S., Konopleva, I.N. Zapahi kak faktor, vliyayushchij na skrytuyu agressiyu [Odors As a Factor Influencing Latent Aggression], *Psihologiya i pravo. T. 2* = Psychology and Law, 2012, vol. 2, No. 3, pp. 1–11. (in Russ.)
11. Berezina, T.N. Emocionalno obonyatelnyj yazyk bessoznatelnyh kommunikacij v processe chelovecheskogo obshcheniya [Emotionally Olfactory Language of Unconscious Communications in the Process of Human Communication], *Nacionalnyj psihologicheskij zhurnal* = National Psychological Journal, 2013, No. 4 (12), pp. 20–30. (in Russ.)

12. Malyavin, V. *Sredotochiya. Izbrannye esse, doklady, intervyyu, recenzii* [Focus. Selected Essays, Reports, Interviews, Reviews]. Ivanovo, Roshcha Akademii, 2011, 622 p. (in Russ.)
13. Golovnyov, A.V., Belorussova, S.Yu., Kisser, T.S. *Ocherki antropologii dvizheniya* [Essays on the Anthropology of Movement]. St. Petersburg, Muzey antropologii i etnografii imeni Petra Velikogo, 2020, 336 p. (in Russ.)
14. Limanskaya, L.Yu. *Opticheskie miry: estetika zreniya i yazyk iskusstva* [Optical Worlds: The Aesthetics of Vision and the Language of Art]. Moscow, Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy universitet, 2008, 351 p. (in Russ.)
15. Wortman, R.S. *Scenarii vlasti: mify i ceremonii russkoj monarhii: v 2 t. T. 1* [Scenarios of Power: Myths and Ceremony in Russian Monarchy, vol. 1]. Moscow, Obyedinennoye gumanitarnoye izdatelstvo, 2004, 605 p. (in Russ.)
16. Freihof, W. Kosmopolitizm [Cosmopolitanism]. In: *Mir Prosveshcheniya. Istoricheskij slovar* [World of Enlightenment. Historical Dictionary]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2003, pp. 31–41. (in Russ.)
17. Ricuperati, G. Chelovek Prosveshcheniya [Man of Enlightenment]. In: *Mir Prosveshcheniya. Istoricheskij slovar* [World of Enlightenment. Historical Dictionary]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2003, pp. 15–29. (in Russ.)
18. Classen, C., Howes, D., Synnott, A. Znachenie i vlast zapaha [Meaning and Power of Smell]. In: *Aromaty i zapahi v kulture. Kn. 2* [Aromas and Smells in Culture. Book 2]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2010, pp. 43–52. (in Russ.)
19. Muchembled, R. *Civilizaciya zapahov: XVI — nachalo XIX veka* [Civilization of Smells: 16th — Early 19th Century]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2020, 312 p. (in Russ.)
20. Simmel, G. Iz “ekskursa o sociologii chuvstv” [From the «Excursion on the Sociology of Feelings»]. In: *Aromaty i zapahi v kulture. Kn. 2* [Aromas and Smells in Culture. Book 2]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2010, pp. 19–37. (in Russ.)
21. Fonvizin, D.I. *Sobranie sochinenij v dvuh tomah* [Collected Works in Two Volumes]. Moscow, Leningrad, Hudozhestvennaya Literatura, 1959. (in Russ.)
22. Lyustrov, M.Yu. *Fonvizin* [Fonvizin]. Moscow, Molodaya gvardiya, 2013, 338 p. (in Russ.)
23. Roche, D. Puteshestviya [Travel]. In: *Mir Prosveshcheniya. Istoricheskij slovar* [World of Enlightenment. Historical Dictionary]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2003, pp. 359–369. (in Russ.)
24. Stroev, A.F. Chem pahnet chuzhaya zemlya [What Does a Foreign Land Smell Like]. In: *Aromaty i zapahi v kulture. Kn. 2* [Aromas and Smells in Culture. Book 2]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2010, pp. 75–101. (in Russ.)
25. Berelovich, V.Ya., Rzhueckij, V.S., Fedyukin, I.I. Evropejskoe dvoryanstvo i evolyuciya ideala vospitaniya [European Nobility and the Evolution of the Ideal of Education]. In: *Ideal vospitaniya dvoryanstva v Evrope: XVII–XIX veka* [The Ideal of Education of the Nobility in Europe: XVII–XIX Centuries]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2018, pp. 5–41. (in Russ.)
26. Berelovich, V.Ya. Evropejskie obrazovatelnye puteshestviya russkih aristokratov [European Educational Journeys of Russian Aristocrats]. In: *Ideal vospitaniya dvoryanstva v Evrope: XVII–XIX veka* [The Ideal of Education of the Nobility in Europe: XVII–XIX Centuries]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2018, pp. 410–445. (in Russ.)

Шемякина Ольга Дмитриевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, кафедра истории России до начала XIX века, МГУ имени М.В. Ломоносова, shemyakinx3@gmail.com

Olga D. Shemyakina, PhD in History, Researcher, History of Russia before the Beginning of the XIX Century Department, Lomonosov Moscow State University, shemyakinx3@gmail.com

Варакин Максим Михайлович, студент, кафедра Истории России XIX — начала XX вв., МГУ имени М.В. Ломоносова, varakin_03@mail.ru

Maxim M. Varakin, Student, Russian History of the XIX — Early XX Centuries Department, Lomonosov Moscow State University, varakin_03@mail.ru

Статья поступила в редакцию 13.10.2022. Принята к публикации 04.11.2022

The paper was submitted 13.10.2022. Accepted for publication 04.11.2022